

ЗАПИСКИ ДОКТОРА А.Т. ТАРАСЕНКОВА О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ЖИЗНИ Н.В. ГОГОЛЯ: НАУЧНО- КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Воропаев В.А.,

доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра истории русской литературы, Москва, Россия

В статье критическому анализу подвергнуты записки доктора А.Т. Тарасенкова о последних днях жизни Н.В. Гоголя. Выявлены разночтения опубликованного текста с черновым автографом. Установлено, что важнейшим источником сведений для автора стали устные рассказы графа А.П. Толстого, воспроизведенные в тексте записок от первого лица. Диагноз предсмертной болезни Гоголя, сделанный Тарасенковым, опирался не столько на результаты его врачебного осмотра, сколько на распространенные в обществе представления о том, что Гоголь умер от истощения, то есть, попросту говоря, уморил себя голодом.

Ключевые слова: Гоголь, записки доктора А.Т. Тарасенкова, религиозное мировоззрение, предсмертные дни, аскетическое поведение.

Для цитаты:

Воропаев В.А. ЗАПИСКИ ДОКТОРА А.Т. ТАРАСЕНКОВА О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ЖИЗНИ Н.В. ГОГОЛЯ: НАУЧНО-КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 1. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Voropaev.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Voropaev V.A. STATEMENTS OF DOCTOR TARASENKOV ON THE LAST DAYS OF GOGOL'S LIFE: SCIENTIFIC AND CRITICAL ANALYSIS [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 1, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n1/Voropaev.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Доктор Алексей Терентьевич Тарасенков (1816–1873) в 1852 году в звании штаб-лекаря служил врачом московской больницы для чернорабочих. Впоследствии, в 1858 году, он стал старшим врачом странноприимного дома и больницы графа Н.П. Шереметева в Москве. Вопреки распространенному мнению Тарасенков не был лечащим врачом Гоголя и даже не был с ним близко

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

знаком. Существует свидетельство, что Тарасенков пользовал семью графа Александра Петровича Толстого², в доме которого в Москве на Никитском бульваре жил последние годы Гоголь. Из записок Тарасенкова явствует, что впервые он увидел Гоголя в январе 1852 года, обедая у графа Толстого (дата последнего обеда, на котором присутствовал Тарасенков, скорее всего 22 января).

Доктор А.Т. Тарасенков

Н.В. Гоголь

Последующие посещения Тарасенковым дома Толстого связаны уже с болезнью Гоголя. 13 февраля он был приглашен графом Толстым для осмотра Гоголя, но тот принял его только 16 февраля, и тогда Тарасенков имел с ним непродолжительный разговор, во время которого убеждал больного принять пищу. 19 февраля Тарасенков пришел сам, но никаких разговоров с Гоголем не вел. 20 февраля он участвовал в консилиуме и 21 февраля приехал через два часа после смерти Гоголя. Таким образом, Тарасенков (судя по его запискам – другими свидетельствами мы не располагаем) видел Гоголя до болезни несколько раз на обедах у графа Толстого и трижды во время болезни (16, 19, и 20 февраля).

---

² В.О. Шервуд пишет в своих воспоминаниях о Тарасенкове: «Он был, между прочим, доктором Толстых и следил последнее время за болезнью Гоголя, которую и описал в брошюре...» [цит. по: 4, с. 140].

Записки Тарасенкова были вчерне написаны в марте – апреле 1852 года и первоначально имели название: «Н.В. Гоголь в последнее время жизни». Под автографом черновой рукописи, хранящейся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве, дата: «1852. Апреля 6»³. Под заглавием «Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя» записки Тарасенкова, значительно расширенные за счет введения новых эпизодов и деталей, были напечатаны в 1856 году в журнале «Отечественные Записки» (№ 12; отдельный оттиск СПб., 1857). В 1902 году сын Тарасенкова, Петр Алексеевич Тарасенков, эти воспоминания переиздал под тем же названием, восстановив по рукописи «факты и имена, которые в то время (в 1856 году – *В. В.*) обнародовать казалось неудобным» [25, с. 1].

Новые факты в публикации 1902 года по сравнению с публикацией 1856 года появляются в рассказе Тарасенкова о насильственном лечении Гоголя в последние два дня его жизни (19 и 20 февраля): о том, как доктора, собравшиеся на консилиум, по предложению профессора А.И. Овера, постановили лечить Гоголя от менингита, обращались с ним как «с сумасшедшим», как «с человеком, не владеющим собою». Публикация 1856 года умалчивает многие подробности жестокосердного (скорее всего невольно) обращения врачей с Гоголем. В остальном же рассказ Тарасенкова о событиях, предшествовавших консилиуму, в тексте 1902 года воспроизведен не по рукописи 1852 года, а по публикации 1856 года.

---

³ ГИМ. Ф. 380. 1852 г. Ед. хр. 1. 18 л. В полном объеме автограф статьи впервые опубликован И.А. Виноградовым [см.: 10, т. 3, с. 907–927].

Профессор А.И. Озер

Текст 1856 года (с дополнениями 1902 года) служит и по сей день самым полным документальным источником наших сведений о последних днях жизни Гоголя. О первоначальном варианте записок Тарасенкова вспоминали лишь дважды. В 1898 году биограф Гоголя В.И. Шенрок опубликовал (с ошибками и пропусками) два отрывка из рукописи [см.: 28, с. 806–807, 850–865] с примечанием: «...позволим себе, пользуясь обязательным разрешением П.А. Тарасенкова, привести отрывки из статьи его отца, лечившего Гоголя (с сохранением того, что было некогда опущено в печати и с полным обозначением лиц, о которых идет речь)» [там же, с. 849].

Спустя семьдесят лет, в 1967 году, на публикацию Шенрока обратила внимание А. Бельшева в статье «Тайна смерти Гоголя», заметившая, что расхождения между текстом 1856 года и рукописью 1852 года вызваны целенаправленной редактурой первоначального варианта. Она же привела и примеры наиболее существенных разночтений [см.: 2].

Текст 1856 года отличается от текста 1852 года, во-первых, большим объемом. И в тексте 1852 года, и в тексте 1856 года большинство сведений о Гоголе получено Тарасенковым главным образом от графа Толстого, на которого он неоднократно ссылается⁴. Сообщая о приглашении графа

---

⁴ Помимо этого, Тарасенков пользовался, разумеется, материалами книг П.А. Кулиша [см. 15], в частности, цитировал по этому изданию письма Гоголя. Уже упоминавшийся В.О. Шервуд писал,

осмотреть Гоголя 13 февраля, Тарасенков и в тексте 1852, и в тексте 1856 года пишет, что именно граф Толстой рассказал ему о происходившем с больным.

Граф А. П. Толстой

Графиня А.Г. Толстая

1856 год: «Давно мне не случилось быть в доме, где жил Гоголь, и я не слышал ничего о его болезни, – пишет Тарасенков, предваряя рассказ о своем появлении у графа Толстого 13 февраля. – В среду на первой неделе поста прислали из этого дома за мною и объяснили, что происходит с Гоголем» [26, с. 410; 10, т. 3, с. 935].

имея в виду брошюру Тарасенкова: «...между прочим, были ему сообщены и мною некоторые факты» [цит. по: 4, с. 140].

Дом графа А.П. Толстого в Москве на Никитском бульваре

1852 год: «Давно я не имел случая быть у графа, но в это время (в среду на первой неделе) прислал он за мною и объяснил, что происходит с Гоголем» [28, с. 855; 10, т. 3. с. 913].

Во-вторых, текст 1856 года отличается от рукописи 1852 года рядом дополнений и примечательных изменений.

1852 год: «Не прошло месяца, как я с ним обедал вместе, – он был цветущего здоровья, бодр, свеж, крепок, – а теперь передо мною <был> человек как бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный продолжающимся тифом до необыкновенного изнеможения. <...> Неохотно позволил он мне пощупать пульс и посмотреть язык: пульс был довольно полон и скор...» [28, с. 856, 10, т. 3, с. 913].

1856 год: «Не прошло месяца, как я с ним вместе обедал; он казался мне человеком цветущего здоровья, бодрым, свежим, крепким, а теперь передо мною был человек как бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный каким-либо продолжительным истощением до необыкновенного

изнеможения.<...> Хотя неохотно, но позволил он мне пощупать пульс и посмотреть язык: пульс был ослабленный...» (26, с. 410, 10, т. 3, с. 935].

Белышева, сопоставляя эти два отрывка, сделала вывод о сознательно допущенном искажении. Действительно, исчезновение в 1856 году упоминания о тифе, прямо противоположная характеристика пульса (в 1852 году – «полон и скор», признак горячечного состояния; в 1856 году – «ослабленный», признак истощения) дают возможность увидеть, что Тарасенков видоизменяет картину болезни Гоголя. Но этот факт не дает еще права говорить о том, что в 1852 году Тарасенков считал болезнь Гоголя физиологически объяснимой, а в 1856 году причины смерти видел только в духовном кризисе. И в 1852 году Тарасенков обобщает результаты своего осмотра больного 16 февраля фразой, целиком перенесенной в текст 1856 года: «Он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны...» [28, с. 857; 26, с. 411–412; 10, т. 3, с. 914, 936]. И в 1852, и в 1856 году Тарасенков не сомневался в том, что «духовный элемент был преобладающею причиною его болезни», что, «окруженный религиозными людьми, он всегда был предан религии, а в последнее время он подвергал себя почти исключительно ее влиянию, убежденный, что она разрешит и для других и для него все возможные задачи» [28, с. 864; в тексте 1856 года с некоторой перестановкой слов – 26, с. 424; 10, т. 3, с. 920].

В 1856 году физиологическая сторона состояния Гоголя отнюдь не скрыта. Напротив, из рукописи в опубликованный текст перешли рассуждения следующего рода: «Пища сытная и обильная была им любима по необходимому требованию организма: он решил, что ему нужно отказать себе и в ней, и вот, круто повернув с французской кухни на пустынный стол, перестал он есть все питательное, все ласкающее вкус и стал довольствоваться прохлаждающим, невкусным и скудным столом. <...> Такой переход от

обычного, сытного стола к чрезмерному пощению, особенно быстро произведенный, не мог остаться без важного влияния на его тело. <...> Вероятно, это излишне быстрое переламывание привычек и образа жизни и действительно произвело более важное страдание брюшных внутренностей, особенно присоединившись к прежним страданиям живота. Дальнейшее воздержание от пищи еще более усиливало болезнь и, наконец, образовало воспалительное состояние желудка и кишек: в это время, вероятно, он уже и не мог есть, как здоровый, хотя бы и решился не поститься более» [26, с. 425; в рукописи 1852 года – с иным порядком слов – 10, т. 3. с. 921].

Преувеличивать количество и качество исправлений, сделанных Тарасенковым в 1856 году, думается, нет надобности. Мы имеем дело не столько с изменениями, сколько с дополнениями, подчеркивающими то, что, во-первых, Гоголь пребывал в полной памяти и здравом уме до последнего дня своей жизни, во-вторых, что его смерть явилась результатом сознательного решения. И тот и другой моменты присутствовали в тексте 1852 года. Но были в рукописи 1856 года и принципиально новые дополнения.

Приведем некоторые из них: «Вероятно, во всю Масленицу он еще был здоров по-обыкновенному, если не считать началом болезни уже наступавшее изнурение сил. Из дальнейшего изложения хода болезни видно будет, что и в конце первой недели поста еще не было видно лихорадочного состояния и никакой особенной формы болезни, кроме увеличившегося изнурения сил. Только за три дня до смерти он слег в постель, да и тогда еще нельзя было приметить явственного поражения в каком-либо органе. При начале лечения, которое произведено было накануне его смерти, также еще не существовало симптомов, угрожавших опасностью жизни. Настоящий бред и внезапное падение сил показали только за несколько часов перед смертью» [26, с. 423; 10, т. 3, с. 943].]; «Сам он почти ни с кем не начинал разговора; отвечал на

вопросы других коротко и отрывисто. <...> По ответам его видно было, что он в полной памяти, но разговаривать не желает» [26, с. 409; 10, т. 3. с. 935].

В тексте 1856 года Тарасенков обращает особое внимание на отсутствие у Гоголя признаков прежде всего душевного расстройства. Если помнить о том, что официальным диагнозом консилиума был менингит и что слух об умственном расстройстве Гоголя распространился уже в первые дни после его кончины⁵, станет понятным стремление Тарасенкова отвести всяческие подозрения на этот счет.

Другой тип дополнений, появившихся в тексте 1856 года, связан с объяснением мотивов поведения Гоголя в последние дни: «И прежде он охотно беседовал с духовными особами; теперь стал избирать для бесед нарочно таких людей, о которых знал, что они весьма строги в своих наставлениях. Он выражал желание, чтоб указывали ему недостатки не в одних его сочинениях, но и в жизни, и чтоб передавали ему беспристрастные замечания обо всем, что нужно исправить в нем, как в писателе и человеке» [26, с. 405; 10, т. 3, с. 932].

Среди такого типа дополнений обращают на себя внимание два фрагмента: «Уже давно ему хотелось подробно и твердо знать устав церковный. Однажды он просил меня растолковать из него некоторые непонятые им места. По некоторым обстоятельствам жизни я знал наизусть многое, до чего Гоголь с трудом мог доискаться в книге, и давал ему быстрые и точные ответы. Для него казались удивительными мои знания, и я должен был объяснить ему, как достиг

---

⁵ Собственно говоря, подобные слухи ходили по Москве и ранее. И.С. Тургенев, посетивший вместе с М.С. Щепкиным Гоголя в октябре 1851 года, вспоминал, что они «ехали к нему, как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове... Вся Москва была о нем такого мнения» (Гоголь в письмах и воспоминаниях И.С. Тургенева, его друзей и знакомых) [10, т. 3, с. 825].

до них» [26, с. 406; 10, т. 3, с. 933]. «Однажды зашел у нас разговор о любви к Богу. Я припомнил ему слова из Нового Завета: "не любяй брата своего, его же виде, Бога, его же не виде, како может любити?" (1 Ин. 4, 20), и пожелал узнать от него, не думает ли он, что любовь к Богу можно выражать только любовью к человечеству?» [26, с. 403–404; 10, т. 3, с. 931].

В тексте 1852 года воспоминаний о религиозных беседах Тарасенкова с Гоголем не было. Воспоминания его, видимо, и не могли содержать ничего подобного, ибо сам же он сообщает и в рукописи, и в опубликованном тексте, что до 1852 года с Гоголем знаком не был, а из лично виденного вспоминает только обед 22 января и потом уже только свои посещения во время болезни. Вся другая информация о Гоголе получена им в основном от графа Толстого. И хотя Тарасенков специально отмечает в тексте 1856 года, что его заметки «составлены вскоре после смерти Гоголя» и что он «оставил их почти в том виде, как они вышли из-под пера в 1852 году» [26, с. 419; 10, т. 3, с. 940], это не соответствует действительности.

Возможность встреч Тарасенкова с Гоголем до 16 февраля наедине почти невероятна: в подобном случае он не преминул бы это отметить, как отметил свои разговоры с Гоголем 22 января и 16 февраля. Возможно, Тарасенков действительно «не раз вместе обедал» [10, т. 3, с. 913] с Гоголем в январе, но доверительных бесед между ними не было. Поэтому приведенные выше воспоминания о разговорах с Гоголем на религиозные темы (причем воспоминания, воспроизведенные от первого лица), следует, видимо, приписывать тому, кто действительно вел такие беседы, ежедневно встречаясь с Гоголем – графу Толстому. Остается загадкой, почему Тарасенков при подготовке записок к печати, ввел в них воспоминания, которые не ему принадлежали. Предположение, что с рукописью перед публикацией ознакомился граф Толстой, внося в нее ряд дополнений [см.: 5, с. 139–140] не

кажется нам ныне правдоподобным. В этом случае граф Толстой не преминул бы отметить некоторые явные ошибки Тарасенкова⁶ и многие несуразности в том, что он писал о пощении Гоголя.

Впрочем, Тарасенков знал о том, что Гоголь любил вести духовные разговоры, например, с графом Толстым, и даже мог в каких-то случаях оказаться их свидетелем. Он пишет: «С глубоким вниманием слушал он (Гоголь – В. В.) обо всем, что относится до христианства. Некоторые молитвы, некоторые псалмы приводили его в восхищение. Так, изречение Священного Писания: *Творяй Ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный*⁷ он повторял по несколько раз сряду и удивлялся красоте славянского языка» [25, с. 13].

Общий характер записок Тарасенкова, как и отдельные их подробности, не подтверждают того, что он хорошо знал церковный устав. Он, например, пишет в рукописи: «В понедельник и вторник первой недели поста наверху у графа была всенощная...» [10, т. 3. с. 911]. В первую неделю Великого поста в понедельник и вторник служитя Великое повечерие, а не всенощная. Ошибка невозможная не только для человека, хорошо знающего церковный устав, но и для обыкновенного мирянина, регулярно посещающего церковь. Эту ошибку, воспроизведенную Шенроком (см.: 28, с. 853), повторили потом и другие, обращавшиеся к его «Материалам для биографии Гоголя» [см., например, 14, с. СXXXI, СXXXII].

Сомнение вызывает следующее место из записок Тарасенкова: «Переменять свойство и количество пищи он не мог без вреда для своего

---

⁶ Он, например, пишет: «В феврале захворала сестра Языкова, г-жа Хомякова...» [25, с. 14; 28, с. 850 – с иным порядком слов; 10, т. 3. с. 909]. Тогда как она умерла 26 января. В другом месте Тарасенков говорит, что во вторник, 19 февраля, «приехал Погодин с Альфонским» [25, с. 25; 28, с. 860; 10, т. 3, с. 916]. Между тем М.П. Погодин 9 или 10 февраля уехал в Суздаль [см.: 1, с. 46] и вернулся только после похорон Гоголя.

⁷ Этот текст имеет важное догматическое значение [см.: 17].

здоровья: по собственному его уверению, при постной пище он чувствовал себя слабым и нездоровым. "Нередко я начинал есть постное по постам (говорил он мне), но никогда не выдерживал: после нескольких дней пощения я всякий раз чувствовал себя дурно и убеждался, что мне нужна пища питательная". (Эти слова были ответом на мое признание, что я делаюсь неспособным к хорошему исполнению своих обязанностей, если некоторое время употребляю постную пищу)» [25, с. 9].

Из этих слов с несомненностью следует только то, что сам Тарасенков не постился в дни, определенные для этого Церковью. В отношении Гоголя его суждение принять за правду никак нельзя. Известно, что помимо постных дней Гоголь любил иногда и хорошо поесть. Лев Иванович Арнольди, сводный брат Александры Осиповны Смирновой, свидетельствует, что Гоголь был необыкновенно строг к себе и боролся со своими слабостями. Так, в Италии он «сам бегал на кухню и учился готовить макароны. А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самой скудной пищей и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел» (Гоголь в воспоминаниях Л.И. Арнольди) [10, т. 2, с. 384].

Всеволод Андреевич Чаговец, наиболее авторитетный специалист начала XX века по семейным делам Гоголя, пишет, что Николай Васильевич не превосходил набожностью своих родных, «проникнутых с самых младенческих лет религиозным настроением и идеалами христианской жизни». И только в отношении соблюдения поста он держался несколько иного взгляда, нежели окружающие: «в постные дни, когда в деревнях готовились разнообразные постные блюда, различные винегреты и т. п., он даже иногда бывал недоволен. "Какой же это пост, когда все обедают еще хуже, чем в обыкновенные дни?"

– говорил он, отодвигая подальше блюдо с какою-нибудь заманчивой постной пищей...» (Чаговец В.А. На родине Гоголя) [10, т. 1, с. 224].

Внутренняя жизнь Гоголя, под которой он понимал жизнь в Боге⁸, велась скрыто от окружающих. Не имея собственного дома и живя все время на людях, он, конечно, часто вынужден был скрывать свое пощение, как это и заповедано Евангелием. Гоголь чувствовал себя как дома, по-видимому, только у графа Толстого, где соблюдались посты⁹. Бывая у тех знакомых, которые не придавали большого значения посту, он старался не смущать их.

---

⁸ 20 июня (н. ст.) 1843 года Гоголь писал из Эмса своему старому приятелю Александру Данилевскому в ответ на его упреки в охлаждении их отношений: «Внутреннюю жизнь я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живет своими впечатлениями, когда не идет отведывать уже известной ему жизни, но когда сквозь все видит одну пристань и берег – Бога и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный Им же ему талант, а не зарыть его в землю, слыша, что не для своих удовольствий дана ему жизнь, что строже ее долг и что взыщется страшно с него, если он, углубясь во внутрь себя, и спросил себя и не узнал, какие в нем сокрыты стороны, полезные и нужные миру, и где его место, ибо нет ненужного звена в мире. А внешняя жизнь само собою есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечется без борьбы потоками жизни, когда нет внутри его центра, на который опершись, мог бы он пересилить и самые страдания и горе жизни. <...> Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге» [8, т. 12, с. 252].

⁹ По свидетельству Т.И.Филиппова, служившего при графе Толстом чиновником особых поручений по вопросам Восточных Православных Церквей, тот «усердно исполнял все постановления Церкви и в особенности был точен в соблюдении поста, которое доводил до такой строгости, что некоторые недели Великого поста избегал употребления даже постного масла. На замечания, которые ему приходилось нередко слышать о бесполезности такой строгости в разборе пищи, он обыкновенно отвечал, что другие, более высокие требования христианского закона, как, например, полной победы над тонкими, глубоко укоренившимися от привычки страстями, он исполнить не в силах, а потому избирает по крайней мере такое простое и ему даже доступное средство, чтобы выразить свою покорность велениям Церкви...» (Гоголь в воспоминаниях Т.И. Филиппова) [10, т. 3, с. 889–890]. После смерти Гоголя графиня Анна Георгиевна Толстая, дожившая до глубокой старости, часто вспоминала о нем, особенно во время поста. В.А. Гиляровский передает со слов ее бывшей компаньонки Юлии Арсеньевны Троицкой, что графиня постилась до крайней степени, любила есть тюрю из хлеба, картофеля, кваса и лука и каждый раз за этим кушаньем говорила: «И Гоголь любил кушать тюрю. Мы часто с ним ели тюрю». Настольной книгой ее были «Слова и речи преосвященного Иакова, архиепископа Нижегородского и Арзамасского» в четырех частях, изданные в 1849 году. На книге имелись отметки карандашом, которые делал Гоголь,

Именно в этом смысле, видимо, надо понимать его записку Аксакову от 19 марта 1849 года: «Любезный друг Сергей Тимофеевич, имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Михайлович Языков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло» [8, т. 15, с. 168]. На эту записку ссылается Тарасенков, говоря, что Гоголь любил «сытные мясные кушанья» [25, с. 9].

Известно, что именно 19 марта Гоголь отмечал свой день рождения, который, бывая в Москве, нередко проводил у Аксаковых. В 1849 году день этот приходился на Великий пост. Зная духовное устройство Гоголя, можно с уверенностью утверждать, что он не ел у Аксаковых в этот день бычачины, хотя и счел необходимым в шуточной форме заблаговременно предупредить друзей, чтобы они чувствовали себя свободно¹⁰.

Отметим, что через несколько дней Гоголь должен был причаститься Святых Таин. 3 апреля 1849 года, в день Светлого Христова Воскресенья, он писал матери и сестрам Анне и Елизавете: «Христос воскрес! От всей души поздравляю вас всех с радостнейшим праздником. Я провел его, слава Богу, не без душевного веселия. Вероятно, и вы также были счастливы в этот день по мере того, как умела душа возрадоваться воскресенью Того, Кто воскрешает

ежедневно читавший Анне Георгиевне эти проповеди. По словам графини, она обыкновенно ходила по террасе, а Гоголь, сидя в кресле, читал ей и объяснял значение прочитанного. Самым любимым местом книги у Гоголя было «Слово о пользе поста и молитвы» (см.: б, с. 59–60).

¹⁰Ср. замечание Е.С. Некрасовой: «Сталкиваясь с такими развитыми, свободомыслящими людьми, как Аксаковы <...> Гоголь, конечно, не поворачивался к ним своей религиозной стороной, и они его с этой стороны не знали. Другое дело, когда его судьба столкнула с семьей графа А.П. Толстого <...> Гоголь радостно раскрыл перед ними свое постоянное влечение к религии...» [18, с. 240]. Добавим к сказанному слова Гоголя из его письма к С.Т. Аксакову от 28 августа (н. ст.) 1847 года из Остенде: «...я никогда не был особенно откровенен с вами и почти ни о чем том, что было близко душе моей, не говорил с вами, так что вы скорее могли меня узнать только как писателя, а не как человека...» [8, т. 14, с. 429].

всех, в Него верующих. Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться Св<ятым> Тайнам» [8, т. 15, с. 174]. Гоголь, по всей вероятности, причащался на Страстной неделе, скорее всего, в Великий четверг.

Само собой разумеется, что вкушение мяса Великим постом, за полторы недели до приобщения Святых Таин, недопустимо (это понятно даже для новоначальных). В выписках Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви находим следующее место о тех, кто причащается недостойно: «Таинство Евхаристии, принимаемое устами недостойных, вместо отпущения грехов их, вместо запечатления их к наследию небесному и вечному блаженству, вызывает на них праведный суд страшного Судии – Бога; и Пречистая Кровь Иисуса Христа в устах нечистых еще громче крови Авелевой вопиет к Богу об отмщении. Кому из вас, братья мои, не известны страшные поразительные опыты Божественного мщения на осквернителей святыни? <...> В первенствующей Церкви видимым образом – болезнью или смертью казнь небесная отпечатлевалась на тех, которые, не быв достойными, приступали к Евхаристии. Сего ради, говорит апостол, *в вас мнози немощны и недужливы, и усыпают*, то есть умирают, *довольни* (1 Кор. 11: 30)» (Приготовление к Исповеди и Причащению) [8, т. 9, с. 89].

Утверждение Тарасенкова, что Гоголь никогда не выдерживал пост до конца, прямо связано с пониманием доктором причин смерти писателя. В начале своих записок он приводит расхожие представления о том, от какой болезни умер Гоголь: «Одни назвали его болезнь нервическою горячкою; другие предположили воспаление в мозгу или кишках; иные вообразили, что смерть его произошла от расстройства умственных способностей; многие были уверены, что Гоголь умер голодной смертью, были и еще предположения, но, судя по ходу болезни, по признакам, которыми она проявлялась, и по другим

достоверным сведениям, эти предположения представляются столь неосновательными, что не заслуживают быть упомянутыми» [25, с. 4–5].

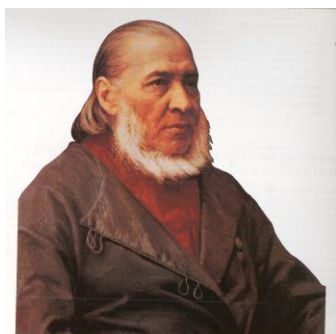
Казалось бы, Тарасенков отвергает как неосновательное, наряду с другими, и предположение, что Гоголь умер от истощения, то есть от того, что попросту говоря, уморил себя голодом. Тем не менее в конце своих записок он, представляя свой собственный взгляд на болезнь Гоголя и причины его преждевременной кончины, говорит, по сути, о том же: «Вероятно, ему казалось, что он не исполнил одного из подвигов христианских – измождения плоти, о котором так высоко отзываются подвигоположники¹¹, отшельники мира; он возненавидел плоть свою, перестал ее питать, решил быть отшельником в мире» [там же, с. 31].

Рассуждения Тарасенкова об «измождении плоти», лишении себя любимой «сытной и обильной пищи», «переходе от обычного, сытного стола к чрезмерному пощению» не оставляют сомнений в определенном его понимании причин смерти Гоголя. Собственно говоря, в этом доктор Тарасенков был несколько не оригинален. Так же смотрели на это и многие из тогдашнего окружения Гоголя. Осип Максимович Бодянский, например, записал в дневнике 13 августа 1856 года свой разговор с князем Петром

---

¹¹ Заметим, что Тарасенков неправильно употребляет слово «подвигоположник». В переводе с греческого оно означает «начальник и судия подвигов: так называется Христос» [21, с. 439]. Ср. у Гоголя в «Правиле жития в мире»: «...Бог всячески старается нас вразумить и требует, чтобы мы употребили какое-нибудь усилие для узнания Его воли. И потому многие, воспитавшие себя среди волнений, советуют в такие минуты обратить взгляд на всю прежнюю жизнь нашу и стараться припомнить все то, что мы пропустили сделать или откладывали к другому времени, а припомнив, заняться уже не вседневными и обыкновенными делами нашими, а теми именно, которые мы пропустили сделать, и заниматься ими прилежно во все время, пока продолжается уныние и смущение, и заняться ими вовсе не так, как бы мы их сами себе задали, но так, как бы они наложены были Богом, а не другим кем, исполняя их подобно послушнику, исполняющему беспрекословно и рабски всякое повеление своего подвигоположника и господина» [8, т. 6, с. 302]. Хотя Гоголь пишет слова «подвигоположник» и «господин» со строчной буквы, из контекста следует, что он имеет в виду Христа.

Андреевичем Вяземским, спросившем, от чего умер Гоголь: «Что до меня, – сказал тогда я, – причиной смерти его была, как я и тогда и теперь полагаю и полагаю, отставка его желудка. Гоголь, как я всегда замечал, обедая с ним очень часто в доме С.Т. Аксакова, любил на порядках поест, подобно отцу своему, и, подобно ему, часто страдал после сытного обеда <..> Скажут, что он в последние две-три недели постничал. Да постничал поневоле, и постничаньем только dokonчил, то есть, поворотивши слишком круто в крайность. Естественным последствием того было ослабление пищеварительного канала, кончившееся воспалением, от которого, по выражению малороссиян, и дуба дав» (Гоголь в дневниковых записях О.М. Бодянского. 1852–1856 гг.) [10, т. 3, с. 236].

С.Т. Аксаков

Можно сказать, что диагноз болезни Гоголя, сделанный Тарасенковым, опирался не столько на результаты его врачебного осмотра, сколько на распространенные в обществе представления о чрезмерном пощении Гоголя¹². Примечательно, что еще до консилиума 20 февраля, на котором было принято решение кормить Гоголя насильно, Тарасенков в разговоре с графом Толстым высказался в том смысле, что «не нужно ли подумать о том, как бы заставить

---

¹²Ср., например, суждение Д.Н. Свербеева, который писал своей жене Е.А. Свербеевой 26 февраля 1852 года: «Слышу, что после свидания с каким-то аскетом, священником из Тверской губ<ернии>, Гоголь вдруг говееет на Масленице и держит, как оказалось после, самый строжайший пост. Потом, говорят, изнемогает он от самой скудной пищи; просто от голода, который производит в нем сильное ослабление и, наконец, воспаление в кишках. Больной противится всем убеждениям и не принимает никакого лекарства, не пьет даже бульона» [10, т. 3, с. 846].

больного употреблять пищу каким бы то ни было способом? Я передал о нескольких примерах психопатов, мною виденных¹³ и исцелившихся после того, как они стали употреблять пищу» [24, с. 21]. Этот разговор состоялся 13 февраля, то есть еще до того, как Тарасенков впервые осмотрел больного Гоголя.

Точка зрения на причины смерти Гоголя, впервые печатно высказанная Тарасенковым, стала господствующей в сознании его современников и последующих поколений¹⁴. Н.Г. Чернышевский, откликаясь на публикацию записок Тарасенкова в «Отечественных Записках», писал: «...все действия Гоголя в это время так странны, что автор не отваживается ни одного из этих предположений отрицать решительным образом. Он только рассказывает факты, свидетелем которых был, – это, конечно, лучшее из всего, что можно сказать в настоящее время. Но в примечаниях он склоняется к тому мнению, что психические причины более, нежели физические страдания, участвовали в разрушении организма Гоголя, и что самую сильнейшею из этих причин было слишком продолжительное воздержание от пищи. Конечно, мы не имеем возможности с достоверностью решать вопрос, которым затрудняется врач и очевидец. Но сколько можно судить по фактам, которые он представляет, надобно, кажется, считать ближайшим к истине то ужасное предположение, что Гоголь сам уморил себя голодом, – не бессознательно, не вследствие

---

¹³Тарасенков специализировался в области психиатрии и хотя не был столь авторитетен, как, скажем, университетские профессора медицины А.И. Овер и И.В. Варвинский, но был врачом, практически имевшим дело с душевнобольными («...в чернорабочей больнице я <...> научился обхождению с психическими больными») [24, с. 7]; в 40–60-е годы им написан также ряд медицинских трудов по психиатрии.

¹⁴Так думали многие, не исключая и людей религиозных. Например, В.З. Завитневич, профессор Киевской Духовной академии, писал: «Гоголь умер от истощения сил, до которого он добровольно довел себя посредством отказа от принятия пищи» [12, с. 403].

психической болезни, а сознательно и, быть может, даже преднамеренно» (Заметки о журналах. Декабрь 1856) [цит. по: 7, с. 489].

Характерно, что после публикации заметок Чернышевского, сделавшего столь определенные выводы, Тарасенков выступил с опровержением в газете «Московские Ведомости» (1857. 25 июля. № 89), где, однако, по сути доказывал то же самое, но переакцентировал внимание на то, что сознательное умирание Гоголя было результатом не помрачения ума, а, напротив, происходило при полном контроле разума [см.: 10, т. 3, с. 949–951]. В ответной реплике Чернышевский заметил: «Доктор <...> Тарасенков находит <...> что мы вывели из его рассказа заключения, чрезвычайно далекие от выводов, какие бы должно сделать, когда сказали <...> что из фактов, представленных им, следует: "Гоголь уморил себя голодом". По мнению г. Тарасенкова, следует сказать: "Причиною смерти Гоголя было пощение", – эти слова действительно гораздо точнее, нежели выражение, нами употребленное» (Чернышевский Н.Г. Сочинения и письма Н.В. Гоголя) [цит. по: 9, с. 574].

В дальнейшем, кто бы ни писал о последних днях жизни Гоголя, всегда обращался к запискам Тарасенкова, признавая ошибочным (что совершенно очевидно сегодня даже не медикам) диагноз менингит, но с доверием относясь к мнению Тарасенкова, по сути ничем не отличавшемуся от мнения других докторов¹⁵. Ошибка Тарасенкова и врачей, лечивших Гоголя во время его предсмертной болезни, заключается прежде всего в их неправильном

---

¹⁵ Современные исследователи пытаются подвести под это предположение научный фундамент. Так, известный богослов и историк Церкви А.В. Карташев в книге «Вселенские соборы» пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма». [13, с. 289]. Литературовед М.Я. Вайскопф в своей монографии о Гоголе утверждает, что смерть писателя «была типичным замаскированным самоубийством гностика, разрывающего плотские узы» [3, с. 656].

представлении о том, что такое пост, вернее – в нецерковном к нему отношении.

Вот что, например, сказал о посте святитель Русской Церкви митрополит Московский Филарет 10 февраля 1852 года в «Неделю сыропустную», то есть в последнее воскресенье перед Великим постом; в этот день в церкви провозглашаются слова святого апостола Павла: «Облецытесь Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти» (Рим. 13, 14), то есть: «Облекитесь в Господа (нашего) Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти». На полях принадлежавшей Гоголю Библии (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома) против этого места помета: «Облецытесь Господем Христом» [8, т. 9, с. 151].

Святитель Филарет, митрополит Московский

«Чтобы верно воспользоваться сим наставлением Апостола, – говорит святитель, – должно приметить в оном определенность мысли и точность выражения. Он не говорит: не делайте ничего угодного плоти, не прилагайте о ней никакого попечения, совсем не обращайтесь на нее внимания. По естеству, как он же говорит в другом месте, никтоже когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю (Еф. 5, 29). Плоть, или иначе, тело, с его чувствами, силами, членами, по назначению Создателя, есть орудие или слуга души. Работающему орудием надобно пещись, чтобы орудие было исправно. Господину надобно

пещись, чтобы слуга имел силу и способность делать дело, на него возлагаемое. Так человеку надобно пещись о своем теле. Но говорит Апостол: плотоугодия не творите в похоти, не делайте плоти такого угождения, которого требуют не природа и рассудок, а пожелания чувственные, не управляемые разумом, прихотливые, страстные, необузданные, преобладающие. Потому что в сем случае плоть становится не только непокоривым слугою души, но даже властелином над нею, ее поработителем и мучителем.

Употребляй пищу и питье по требованию голода и жажды, для поддержания жизни, сил, здоровья: сего требует природа; сего не возбраняет закон; сего не отвергает здравое учение. Если и избранную пищу употребишь в праздник, в день радости, с благодарением Богу, дающему нам вся обильно в наслаждение (1 Тим. 6, 17): и в сем оправдает тебя притча, на трапезе благовременного веселия предлагающая тельца упитанного (Лк. 15, 23). Но дабы вслед за естественным услаждением вкуса не подкралась похоть, а за нею неумеренность, объядение, пьянство, сладострастие, – для сего и обыкновенное благоразумие советует, и врачебная наука вразумляет, и правило духовной опытной мудрости повелевает, вообще – отсекал нечто от количества пищи, требуемого чувственным пожеланием, особенно же в некоторые времена и количество пищи уменьшать, и качество ее изменять, отлагать утучняющее и согревающее, и употреблять легкое и прохлаждающее. Закон духовный предписывает употреблять пост как оружие для отражения похотей плоти, давать пост и молитву, как крила, духу, для возвышения его к Богу. Впрочем, правило церковное, строгое против похоти, снисходительное к немощи, требует поста и осуждает непостящегося, кроме препятствия от немощи телесной (прав<ило> Апост<ольское> 69), следственно, позволяет облегчение поста, ради немощи телесной; и весьма справедливо, потому что немощь сама собою доставляет то, что ищется посредством поста, то есть, укрощение

чувственности и бездействие плотских страстей; и следственно, для немощного не то нужно, чтобы усмирять плоть постом, а то, чтобы немощное тело поддерживать питанием и врачеванием, дабы оно не сделалось вовсе неспособным служить душе» [27, с. 145–147].

Все рассуждения Тарасенкова об измождении плоти, о котором якобы так высоко отзываются подвижники; о том, что Гоголь, «по-видимому, не терял аппетита и жестоко страдал от лишения пищи», что он «возненавидел плоть свою, перестал ее питать» и прочем, носят недуховный характер. Правильно понимаемый и исполняемый пост никак не может послужить причиной смерти человека. А то, что Гоголь понимал пост в церковном духе, неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов [см.: 8, т. 9. с. 40–41; 87–88] и пометы на принадлежавшей ему Библии. «Пост не дверь к спасенью», – написал он карандашом на полях против слов святого апостола Павла: *«Брашно же нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся» («Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем»*, 1 Кор. 8: 8) [там же, с. 152].

После смерти Екатерины Михайловны Хомяковой Гоголь постоянно молился. «Между тем, как узнали мы после, – писал С.П. Шевырев, – большую часть ночей проводил он в молитве, без сна» (Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева) [10, т. 2, с. 108]. Тот же Тарасенков на протяжении своих записок не раз говорит о молитвенном устройении Гоголя в последние дни: «Свое пощение он не ограничивал одною пищею, но и сон умерял до чрезмерности; после ночной продолжительной молитвы он вставал рано и шел к заутрени...» [25, с. 16]; «Во всю Масленицу после вечерней дремоты в креслах, оставаясь один, по ночам, при всеобщей тишине, он вставал и проводил долгое время в теплой молитве, со слезами, стоя перед образами»

[там же, с. 18]; «Иногда по вечерам он дремал в креслах, а ночи проводил в бдении на молитве...» [там же, с. 20].

Со слов Тарасенкова известно, что Гоголь почти до самой смерти не ложился в постель, а оставался в креслах: «Несмотря на свое убеждение, что постель будет для него смертным одром (почему он старался оставаться в креслах), в понедельник на второй неделе поста (то есть 18 февраля. – В. В.) он улегся, хотя в халате и сапогах, и уже более не вставал с постели» [там же, с. 24].

Можно думать, однако, что Гоголь сидел в креслах не из страха умереть на постели. Скорее это было в некотором роде подражанием монашескому обычаю проводить ночной отдых не на ложе, а на стуле, то есть вообще сидя¹⁶. Павел Васильевич Анненков, рассказывая о пребывании вместе с Гоголем в Риме летом 1841 года, пишет в своих воспоминаниях: «Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этом сильное беспокойное чувство, которое выразить я, однако же, не смел перед Гоголем, а именно тогдашняя его причуда – проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диване и не ложась в постель. Поводом к такому образу жизни могла быть, во-первых, опасная болезнь, недавно им выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторых, боязнь обморока и замирания, которым он, как говорят, действительно был подвержен. Как бы то ни было, но открыть секрет Гоголя, даже из благодушного желания пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Таким образом, Н<иколай> В<асильевич> довольно часто, а к концу все чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетеный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в

---

¹⁶ Например, никогда не имел постели в своих келлиях преподобный Серафим Саровский. В новейшее время архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Максимович) ночью отдыхал только сидя.

постели и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике вплоть до света, а со светом взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб общая наша служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрения о капризе жильца своего, в чем, однако же, успел весьма мало, как и следовало ожидать».

«Обстоятельство это, – продолжает далее Анненков, – между прочим, хорошо поясняет то место в любопытной записке Ф.В. Чижова о Гоголе 1843 года, где автор касается апатических вечеров Н.М. Языкова, на которых все присутствующие находились в состоянии полудремоты и после часа молчания или редких отрывистых замечаний расходились, приглашаемые иногда ироническим замечанием Гоголя: "Не пора ли нам, господа, окончить нашу шумную беседу" <...> Вечера эти могли быть для Н<иколая> В<асильевича> началом самой ночи, точно так же проводимой, только без друзей и разговоров» (Гоголь в воспоминаниях и письмах П.В. Анненкова) [10, т. 3, с. 450–451].

Завершает мемуарист свой рассказ следующими словами: «Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроения, развившегося впоследствии у Гоголя до необычайной степени, но путь для них был уже намечен».

Думается все-таки, что здесь было не начало, а уже некоторая полнота аскетического поведения Гоголя. Косвенным подтверждением этому могут служить упомянутые Анненковым воспоминания Федора Васильевича Чижова, общавшегося с Гоголем в Риме в 1843 году. Он, в частности, говорит: «В каком сильном религиозном напряжении была тогда душа Гоголя, покажет следующее. В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. Я посещал ее иногда по несколько раз на день и обыкновенно приносил известия о ней в нашу беседу, в которой все ее знали – Иванов лично,

Языков по знакомству ее с его родными, Гоголь понаслышке. Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает: "Была ли она у святителя Митрофана?" – Я отвечал: "Не знаю". – "Если не была, скажите ей, чтоб она дала обет помолиться у его гроба"¹⁷. Сегодняшнюю ночь за нее здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня". По моим соображениям, этот человек, должно было, был сам Гоголь...» (Гоголь в воспоминаниях, дневниках и письмах Ф.В. Чижова) [10, т. 3, с. 47–48].

Гоголь глубоко верил в силу молитвы, в том числе и своей собственной. «Неужели вы думаете, что я не сумел бы так же помочь и вашим неизлечимым больным? – писал он в статье "Что такое губернаторша", обращаясь к Александре Осиповне Смирновой. – Ведь вы позабыли, что я могу и помолиться, молитва моя может достигнуть и до Бога...» [8, т. 6, с. 98–99].

Умирал Гоголь с четками в руках. Это значит, что он постоянно внутренне произносил Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»), исполняя заповедь Господню «*Непрестанно молитесь*» 1 Фес. 5, 17). В своей Библии Гоголь на полях повторил этот и предшествующий стих: «всегда радуйтесь и непрестанно молитесь» [там же, т. 9, с. 157].

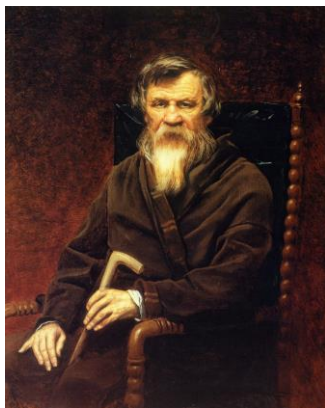
Последние часы жизни умирающего Гоголя описаны Тарасенковым: «Позже вечером (20 февраля. – В. В.) он, по-видимому, стал забываться и терять память. <...> Еще позже он по временам бормотал что-то невнятно, как бы во

---

¹⁷ Обретение мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 7 августа 1832 года и сопровождалось многочисленными чудесными исцелениями. По свидетельству Г.П. Данилевского, в Васильевке, во флигеле, где по обыкновению жил и работал Гоголь, над кроватью в углу висел «образ св. угодника Митрофана» (Свидетельства о Гоголе в воспоминаниях и письмах Г.П. Данилевского) [10, т. 1, с. 286].

сне, или повторял несколько раз: "давай, давай! ну что ж?" Часу в одиннадцатом он закричал громко: "лестницу, поскорее, давай лестницу!.." Казалось, ему хотелось встать. Его подняли с постели и посадили на кресло» [25, с. 27].

Михаил Петрович Погодин в некрологе Гоголю приводит другие слова: «В среду (20 февраля. – *В. В.*) обнаружались явные признаки жестокой нервической горячки.

М.П. Погодин

Употреблены были все средства, коих он, кажется, уже не чувствовал, изредка бредил, восклицая: "поднимите, заложите, на мельницу, ну же, подайте!" [20, с. 48]. После прочтения этих строк в «Москвитянине» Мария Ивановна Гоголь писала Погодину 14 мая 1852 года из Васильевки: «Слезы мешали мне читать написанное Вами о моем ангеле. Видно, в болезни пришла ему мысль о мельнице, которую он очень желал у нас выстроить, узнав от меня, что земляная мельница несколько улучшила бы наше имение, по малоземелью, по душам не дающее доходу <...> И, видно, так усердно хотел осуществить предположенную нам выгоду, что и бредил ею» (Гоголь в воспоминаниях и письмах матери) [10, т. 1, с. 132].

Преимущество, однако, здесь следует отдать свидетельству Тарасенкова. Погодин говорил с чужих слов. Его не было в этот момент рядом с Гоголем. «В

роковую неделю меня не было в Москве¹⁸, – пишет он, – как будто в наказание, что я в последнее время позволял себе питать разные подозрения на счет его, и не верил вполне его искренности» [20, с. 50]. Тарасенков же сам пережил эти тяжкие минуты и, конечно, старался запомнить все подробности последних часов жизни Гоголя. Он пишет в своих воспоминаниях, что «главные их основания записаны в самый день его (Гоголя. – *В.В.*) смерти» [25, с. 5]. При этом мемуарист, хотя и не явно, но соотносит предсмертные слова Гоголя с книгой преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайской горы: «...он указал мне на сочинение Иоанна Лествичника, в котором изображены ступени христианского совершенства, и советовал прочесть его» [там же, с. 13].

Правда, из контекста и общего духа записок Тарасенкова можно заключить, что Гоголь ознакомился с «Лествицей» незадолго до смерти: «Взяв себе в образец и наставление сочинение Иоанна Лествичника, которое ему так нравилось своими строгими правилами, он старался достигать высших ступеней, в нем описанных, и принялся за лишения» [там же, с. 31]. Разумеется, подобное заключение будет неверным. «Лествица», как мы знаем, была одной из любимых книг Гоголя с юности. Христианский образ лестницы как символ духовного возрастания постоянно встречается в его письмах: «...живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях» (В.А. Жуковскому 26 июня (н. ст.) 1842 года) [8, т. 12, с. 55]; «Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница» (Н.Н. Шереметевой около 20 марта (н. ст.) 1843 года) [там же, с. 201].

---

¹⁸«Я должен был отправиться с гр<афом> Уваровым в Суздаль, где уже ожидала нас комиссия, коей поручено было исследование о могиле князя Пожарского. Уезжая, я упросил свою покойную тещу Е.Ф. Вагнер, англичанку, умевшую ходить за больными, чтоб она не оставляла Гоголя. Она провела у него ночи две, и на ее руках почти он скончался» (позднейшее примечание М.П. Погодина) [10, т. 2, с. 510].

Лествица преподобного

Иоанна Лествичника, икона (кон. XII в.)

Сохранились свидетельства, что Гоголь внимательно изучал «Лествицу» и делал из нее подробные выписки [см.: 8, т. 6, с. 297–299; 663–668]. Дошедший до нас автограф Гоголя, датируемый приблизительно 1843 годом, включает в себя выписки из «Лествицы» в том переводе, который был издан в Москве в 1785 году с названием «Лествица, возводящая на небо» (возможно, что Гоголь пользовался и другим изданием этого же перевода). Цитаты и реминисценции из нее встречаются в письмах Гоголя первой половины 1840-х годов. По всей видимости, в своих заграничных странствиях писатель имел при себе составленный им еще раньше рукописный сборник.

Об этом сборнике знал (по всей видимости, от графа А.П. Толстого) Т.И. Филиппов, который писал К.Н. Леонтьеву из Санкт-Петербурга 22 февраля 1888 года: «С высоты «Лествицы», которая особенно его (Гоголя. – *В. В.*) восхищала и которую он переписал своею рукой, желая глубже запечатлеть в *своей* памяти ее божественное содержание, все его произведения, в особенности комические, естественно должны были представиться в их относительном ничтожестве» [22, с. 492–493].

Исследователи не раз отмечали сходство предсмертных слов Гоголя о лестнице с тем, что сказал незадолго до своей блаженной кончины святитель Тихон Задонский (см.: 28, с. 862; 16, с. 306; 19, с. 383; 11, с. 59), сочинения которого Гоголь перечитывал неоднократно. На память также приходят

предсмертные слова А.С. Пушкина, обращенные к Владимиру Ивановичу Далю: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше... ну, пойдем!» [23, т. 2, с. 405].

Крест натальный Н. В. Гоголя.

Нательный крест Н.В. Гоголя

И подобно тому, как последние дни Пушкина стали известны в подробностях благодаря письму В.А. Жуковского (к Сергею Львовичу Пушкину, отцу поэта), последние дни Гоголя стали достоянием общественности благодаря запискам доктора Тарасенкова.

Литература

1. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 12. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. X, 543 с.
2. *Белышева А.* Тайна смерти Гоголя // Нева. Л., 1967. № 3. С. 170–181.
3. *Вайскопф М.Я.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. Изд. 2-е, испр. и расшир. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. 686 с.
4. *Воропаев В.А.* Владимир Осипович Шервуд и Николай Васильевич Гоголь // Династия Шервудов в истории и культуре России / Министерство культуры Российской Федерации, Российская академия художеств, Государственный музей, Научно-исследовательский ин-т теории и истории изобразительных искусств при Российской академии художеств; авторы-сост. Е.А. Лукьянов, Ю.Р. Савельев; под науч. ред. Ю.Р. Савельева. М.: Фонд «Связь эпох»; «Кучково поле Музеон», 2017. С. 137–144.
5. *Воропаев В.А., Песков А.М.* Последние дни жизни Гоголя и проблема второго тома «Мертвых душ» // Вопросы литературы. М., 1986. № 10. С. 132–146.
6. *Гиляровский В.А.* На родине Гоголя (Из поездки по Украине). М.: Отделение типографии Товарищества И.Д. Сытина, 1902. 64 с.
7. <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в русской критике: сборник статей / Подготовка текстов А.К. Котова и М.Я. Полякова; вступ. статья и примеч. М.Я. Полякова. М.: Гос. изд-во Художественной литературы, 1953. 652 с.
8. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

9. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред. текста, предисл. и коммент. С. Машинского. <М.:> Гос. изд-во художественной литературы, 1952. 719 с.
10. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
11. *Де Лотто Ч.* Лествица «Шинели» / Предисл. к публ. И. Золотусского // Вопросы философии. М., 1993. № 8. С. 58–83.
12. *Завитневич В.* Религиозно-нравственное состояние Н.В. Гоголя в последние годы его жизни // Памяти Гоголя: Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца / Под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902. Отд. II. С. 338–424.
13. *Карташев А.В.* Вселенские соборы. М.: Изд-во Республика, 1994. 216 с.
14. *Кирпичников А.И.* Опыт хронологической канвы к биографии Н.В. Гоголя // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. проф. А.И. Кирпичникова. Т. 1. М., 1902. С. III–СXXXV.
15. <*Кулиш П.А.*> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб.: В типографии Александра Якобсона, 1856.
16. *Мережковский Д.С.* Гоголь и черт (Исследование) // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет / Сост. Е.А. Даниловой. М.: Советский писатель, 1991. С. 213–309.
17. *Муретов М.Д.* К толкованию текста: «Творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный» (Псал. 103, 4 и Евр. 1, 7) // Богословский Вестник. 1902. № 10. С. 184–199.
18. *Некрасова Е.С.* Н.В. Гоголь. Его отношения к графу А.П. Толстому. Письма Н.В. Гоголя к графу А.П. Толстому // В память С.А. Юрьева: сборник, изданный друзьями покойного. М., 1891. С. 239–267.
19. *Паламарчук П.Г.* «Ключ» к Гоголю // Паламарчук П. Козацкие могилы: Повести, сказания, художественные исследования. М.: Современник, 1990. С. 336–422.
20. *Погодин М.П.* Кончина Гоголя // Москвитянин. М., 1852. № 5. Отд. VII. Современные известия. С. 47–50.
21. Полный церковнославянский словарь / Сост. протоиерей Григорий Дьяченко. М., 2013 / Репринтное воспроизведение издания 1900 г. 1120 с.
22. Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. статья, подготовка текстов и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 728 с. – (Сер.: Русские беседы).
23. <*Пушкин А.С.*> А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. статья В.Э. Вацура: сост и примеч. В.Э. Вацура, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович. М.: Художественная литература, 1985.
24. *Тарасенков А.Т.* Воспоминания о Шереметевской больнице. М.: Типо-литография Н.И. Куманина, 1899. 27 с.
25. *Тарасенков А.Т.* Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1902. [2], 33 с.
26. <*Тарасенков А.Т.*> Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1856. № 12. С. 397–427.
27. <*Филарет, святитель.*> Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи: [В 5 т.] Т. 5: 1849–1867. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1885. [4], 581, XXXVII с.
28. *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. Т. 4. М.: Типография Г. Лисснер и А. Гешель, преемники Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 974 с.

STATEMENTS OF DOCTOR TARASENKOV ON THE LAST DAYS OF GOGOL'S LIFE: SCIENTIFIC AND CRITICAL ANALYSIS

Voropaev V.A.,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, balygina@nextmail.ru

---

In the article, Dr. Tarasenkov's notes on the last days of Gogol's life were critically analyzed. Discrepancies of the published text with draft autographs are revealed. It is established that the most important source of information for the author was the oral stories of Count Tolstoy, reproduced in the text of notes from the first person. The diagnosis of Gogol's death illness, made by Tarasenkov, relied not so much on the results of his medical examination, but rather on the prevalent ideas in society that Gogol had died from exhaustion, that is, simply put, starved himself.

Key Words: Gogol, notes of Dr. Tarasenkov, religious world outlook, death days, ascetic behavior.

References

1. Barsukov N.P. ZHizn' i trudy M.P. Pogodina. Kn. 12. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1898. H, 543 s.
2. Belysheva A. Tajna smerti Gogolya // Neva. L., 1967. № 3. S. 170–181.
3. Vajskopf M.YA. Syuzhet Gogolya: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst. Izd. 2-e, ispr. i rasshir. M.: Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t, 2002. 686 s.
4. Voropaev V.A. Vladimir Osipovich SHervud i Nikolaj Vasil'evich Gogol' // Dinastiya SHervudov v istorii i kul'ture Rossii / Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii, Rossijskaya akademiya hudozhestv, Gosudarstvennyj muzej, Nauchno-issledovatel'skij in-t teorii i istorii izobrazitel'nyh iskusstv pri Rossijskoj akademii hudozhestv; avtory-sost. E.A. Luk'yanov, YU.R. Savel'ev; pod nauch. red. YU.R. Savel'eva. M.: Fond «Svyaz' ehpor»; «Kuchkovo pole Muzeon», 2017. S. 137–144.
5. Voropaev V.A., Peskov A.M. Poslednie dni zhizni Gogolya i problema vtorogo toma «Mertvyh dush» // Voprosy literatury. M., 1986. № 10. S. 132–146.
6. Gilyarovskij V.A. Na rodine Gogolya (Iz poezdki po Ukrainje). M.: Otdelenie tipografii Tovarishchestva I.D. Sytina, 1902. 64 s.
7. <Gogol' N.V.> N.V. Gogol' v russkoj kritike: sbornik statej / Podgotovka tekstov A.K. Kotova i M.YA. Polyakova; vstup. stat'ya i primech. M.YA. Polyakova. M.: Gos. izd-vo Hudozhestvennoj literatury, 1953. 652 s.
8. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 17 t. / Sost., podgotovka tekstov i komment. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. M.; Kiev: Izd-vo Moskovskoj Patriarhii, 2009–2010.
9. Gogol' v vospominaniyah sovremennikov / Red. teksta, predisl. i komment. S. Mashinskogo. <M.:> Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1952. 719 s.

10. Gogol' v vospominaniyah, dnevnikah, perepiske sovremennikov. Polnyj sistematicheskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: V 3 t. / Izdanie podgotovil I.A. Vinogradov. M.: IMLI RAN, 2011–2013.
11. De Lotto CH. Lestvica «Shineli» / Predisl. k publ. I. Zolotusskogo // Voprosy filosofii. M., 1993. № 8. S. 58–83.
12. Zavitnevich V. Religiozno-nravstvennoe sostoyanie N.V. Gogolya v poslednie gody ego zhizni // Pamyati Gogolya: Nauchno-literaturnyj sbornik, izdannyj Istoricheskim Obshchestvom Nestora-letopisca / Pod red. N.P. Dashkevicha. Kiev, 1902. Otd. II. S. 338–424.
13. Kartashev A.V. Vselenskie sobory. M.: Izd-vo Respublika, 1994. 216 s.
14. Kirpichnikov A.I. Opyt hronologicheskoy kanvy k biografii N.V. Gogolya // Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij: V 3 t. / Pod red. prof. A.I. Kirpichnikova. T. 1. M., 1902. S. III–CKHKHKHV.
15. <Kulich P.A.> Zapiski o zhizni Nikolaya Vasil'evicha Gogolya, sostavlennye iz vospominanij ego druzej i znakomyh i iz ego sobstvennyh pisem: V 2 t. SPb.: V tipografii Aleksandra YAkobsona, 1856.
16. Merezhkovskij D.S. Gogol' i chert (Issledovanie) // Merezhkovskij D.S. V tihom omute: Stat'i i issledovaniya raznyh let / Sost. E.A. Danilovoj. M.: Sovetskij pisatel', 1991. S. 213–309.
17. Muretov M.D. K tolkovaniyu teksta: «Tvoryaj angely svoya duhi i slugi svoya plamen' ognennyj» (Psal. 103, 4 i Evr. 1, 7) // Bogoslovskij Vestnik. 1902. № 10. S. 184–199.
18. Nekrasova E.S. N.V. Gogol'. Ego otnosheniya k grafu A.P. Tolstomu. Pis'ma N.V. Gogolya k grafu A.P. Tolstomu // V pamyat' S.A. YUr'eva: sbornik, izdannyj druz'yami pokojnogo. M., 1891. S. 239–267.
19. Palamarchuk P.G. «Klyuch» k Gogolyu // Palamarchuk P. Kozackie mogily: Povesti, skazaniya, hudozhestvennye issledovaniya. M.: Sovremennik, 1990. S. 336–422.
20. Pogodin M.P. Konchina Gogolya // Moskvityanin. M., 1852. № 5. Otd. VII. Sovremennye izvestiya. S. 47–50.
21. Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar' / Sost. protoierej Grigorij D'yachenko. M., 2013 / Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1900 g. 1120 s.
22. Proroki Vizantizma: Perepiska K.N. Leont'eva i T.I. Filippova (1875–1891) / Sost., vstup. stat'ya, podgotovka tekstov i komment. O.L. Fetisenko. SPb.: Izd-vo «Pushkinskij Dom», 2012. 728 s. – (Ser.: Russkie besedy).
23. <Pushkin A.S.> A.S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. / Vstup. stat'ya V.EH. Vacuro: sost i primech. V.EH. Vacuro, M.I. Gillel'sona, R.V. Iezuitovoj, YA.L. Levkovich. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1985.
24. Tarasenkov A.T. Vospominaniya o SHeremetevskoj bol'nice. M.: Tipo-litografiya N.I. Kumanina, 1899. 27 s.
25. Tarasenkov A.T. Poslednie dni zhizni N.V. Gogolya. Izd. 2-e, dop. po rukopisi. M.: Tovarishchestvo skoropechatni A.A. Levenson, 1902. [2], 33 s.
26. <Tarasenkov A.T.> Poslednie dni zhizni Nikolaya Vasil'evicha Gogolya // Otechestvennye Zapiski. 1856. № 12. S. 397–427.
27. <Filaret, svyatitel'.> Sochineniya Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo. Slova i rechi: [V 5 t.] T. 5: 1849–1867. M.: Tipografiya A.I. Mamontova i K°, 1885. [4], 581, XXXVII s.
28. SHenrok V.I. Materialy dlya biografii Gogolya: V 4 t. T. 4. M.: Tipografiya G. Lissner i A. Geshel', preemniki E.H. Lissnera i YU. Romana, 1897. 974 s.